

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЯХ XX в.

А. Г. Чевтаев

Сталин, Рузвельт и Черчилль после Ялты: драматический финал «большой тройки»

Отношения лидеров Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании в краткий период от окончания конференции в Крыму и до смерти Ф. Рузвельта мало привлекали внимание исследователей. Между тем, эти два месяца контактов Кремля, Белого дома и Уайтхолла с интенсивностью и большим напряжением их переписки, в условиях сложной оперативно-стратегической ситуации на обоих фронтах войны в Европе не имеют себе равных в истории «большой тройки». Изучение отношений И. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля в этот период позволяет полнее и объективнее понять своеобразие заключительной фазы боевых действий союзных держав и расстановку политico-стратегических сил в Европе в момент капитуляции Германии. Кроме того, исследования их контактов проливают свет на глубинные противоречия Москвы, Вашингтона и Лондона, которые проложили путь к новому мировому конфликту — «холодной войне».

Крымская конференция 4—11 февраля 1945 г. закончилась вполне позитивно. Были согласованы решения ряда крупных проблем: завершающего периода Второй мировой войны в Европе, польской, германской, освобождения Европы, окончания войны

против Японии, создания международной организации безопасности. При всей напряженности дискуссии по некоторым позициям их общая тональность была вполне доброжелательной и конструктивной¹.

Наиболее оптимистично, с расчетом на дальнюю перспективу, был настроен Ф. Рузвельт. По далеко идущим уступкам Москве, тональности бесед с советским вождем, наконец, в заключительной речи на конференции, президент стремился убедить И. Сталина, что Белый дом искренне продолжает свою линию на расширение «семейного круга», провозглашенную в Тегеране. И. Сталин в целом поддержал Ф. Рузвельта, но добавил, что после войны сохранить союз «большой тройки» станет гораздо труднее, так как «различия интересов будут толкать союзников к разобщению». Впрочем, он выразил уверенность, что «нынешний союз сможет также выдержать и это испытание...» У. Черчилль также заявил, что решения ялтинского саммита открывают «прекрасные возможности будущего мира и счастья. История нам не простит, если они выскользнут из наших рук»².

13 февраля 1945 г. масс-медиа трех столиц сообщили своим народам и всему миру коммюнике о ялтинских решениях. В СССР оно было воспринято однозначно позитивно, никаких вопросов не было и не могло быть. И. Сталину или В. Молотову не было необходимости публично выступать с разъяснениями этих решений. Иное положение было у Ф. Рузвельта и У. Черчилля. Им пришлось доказывать резонность не только оглашенных, но и секретных решений, о которых публика в США и Великобритании догадывалась. И вопросы о них посыпались сразу после 13 февраля. В чем смысл договоренности по Польше? Какие немецкие территории отйдут к ней? Как соотносятся reparations с Германией и недавно отвергнутый «план Моргентау»? Каковы пределы уступок И. Сталину в связи с вероятным вступлением СССР в войну против Японии? Положение осложнялось тем, что западные лидеры вернулись на родину только в конце февраля, когда полемика вокруг решений в Ялте набрала немалые обороты³.

У. Черчилль выступил в палате общин 27 февраля. Он горячо и в целом убедительно защищал ялтинские решения, их необходимо

димость не только Лондону, Вашингтону и Москве, но и всему международному сообществу. Он не уклонился от ряда острых вопросов по Польше, которые свелись к следующему: будут ли поляки хозяевами в своем доме или «станут только проекцией советского государства, вынужденной вопреки их воле принять коммунистическую систему»? У. Черчилль заявил: «Маршал Сталин и Советский Союз дали самые торжественные заверения, что подлинная независимость Польши будет обеспечена, и к этому решению теперь присоединились Великобритания и США. Всемирная организация безопасности также возьмет свою долю ответственности...»⁴

Британский лидер признал обоснованность критических реплик в палате общин. Он понимал, что конечной гарантией выполнения обещаний И. Сталина является его добрая воля. Но он полагал, что Кремль, получив в Ялте весьма значительные уступки, полностью обеспечив безопасность своей страны и одновременной заинтересованной в сохранении взаимопонимания с Западом, будет выполнять свои обязательства. Завершая эту часть своей речи, У. Черчилль заявил: «Я решительно отказываюсь вступать здесь в дискуссию относительно добной воли русских. Эта проблема полностью связана с будущим всего мира. Судьба человечества была бы ужасной в случае возникновения страшного раскола между западными демократиями и русским Советским Союзом»⁵. Можно согласиться с выводом видного британского исследователя Д. Дилкса: «По возвращении из Ялты представители Великобритании были убеждены, что им удалось добиться наиболее благоприятного решения польского вопроса, а также заручиться согласием СССР на дальнейшее сотрудничество»⁶.

У. Черчиллю и А. Идену (шеф Форин офиса удачно отвечал на вопросы в ходе дебатов) удалось убедить депутатов в правильности своей позиции в Ялте. Но в связи с острой полемикой в польском вопросе, когда некоторые парламентарии сомневались в разумности такого доверия И. Сталину, премьер потребовал отдельного голосования о доверии кабинету и победил в соотношении 396 голосов против 25. Но одиннадцать членов правительства (младшие министры) не приняли участия в итоговом голосовании

по дебатам. Таким образом, немалая часть публики выразила беспокойство о судьбе Польши⁷.

1 марта Ф. Рузвельт представил конгрессу свое послание о результатах Крымской конференции. Начало его речи весьма показательно: «Откровенно говоря, решение вопроса о том, было ли это путешествие вполне полезным, находится в ваших руках. Если вы здесь, в залах американского конгресса и при поддержке народа, не согласитесь с ялтинскими решениями и не дадите им активной поддержки, конференция не приведет к прочным результатам»⁸.

Нетрудно представить, с какой иронией и, вероятно, внутренним протестом восприняли эту фразу И. Сталин и В. Молотов, которые считали подобные заявления игрой на публику и средством давления на Кремль. В действительности же президент говорил своим московским партнерам: нет, все это очень серьезно, наша ситуация решительно отличается от вашей и даже от британской, где у У. Черчилля есть прочная поддержка в политической эlite.

Президент четко определил две главные цели, стоявшие в тот момент перед тремя лидерами и их народами: «как можно быстрее разгромить Германию с меньшими потерями в живой силе» и «продолжить создание основ международного согласия, которое должно принести порядок и безопасность после хаоса войны и дать уверенность в длительном мире». Далее он показал важнейшие конкретные договоренности: оккупация и контроль над Германией, полная ликвидация ее военной мощи с исключением возможности возрождения нацизма и прусского милитаризма; процедура голосования в Совете Безопасности ООН; согласованная политика «большой тройки» в освобождаемых странах; единая позиция в некоторых особых проблемах (Польша, Югославия)⁹.

Ф. Рузвельт отметил, что «некоторая трещина могла появиться в прочной стене союзного единства», и это дало был А. Гитлеру и его сообщникам «последнюю надежду избежать гибели. Но он проиграл». Даже критически относясь к некоторым оценкам президента («прочная стена союзного единства», «единство мышления и способов действий» и т. д.), признаем правильность большин-

ства из них. Вероятно, и И. Сталин, и У. Черчилль могли бы согласиться с тем, что «никогда прежде великие союзники не были более едины не только в их военных целях, но и в мирных»¹⁰.

Вероятно, конгресс и общественное мнение более всего ждали, что скажет президент о войне в Японии и создании ООН. Умолчав по вполне понятным причинам о крымских решениях по Дальнему Востоку, он сказал, что «на Мальте Объединенные штабы западных союзников подготовили планы нарастающих ударов по Японии... Безоговорочная капитуляция ее столь же необходима, как и поражение Германии. Японский милитаризм должен быть уничтожен полностью, как и немецкий»¹¹.

В завершении послания конгрессу Ф. Рузвельт еще раз обратился к теме создания ООН: «Конференция в Крыму стала поворотным пунктом в американской истории... Наша великая нация не может уклониться от ответственности за политические ситуации в тысячах миль за океаном... Сенату и американскому народу вскоре будут представлены великие решения, которые определят судьбу Соединенных Штатов и всего мира для будущих поколений. Здесь не может быть середины. Мы должны взять ответственность за всемирное строительство, иначе мы возложим на себя вину за новый мировой конфликт»¹². Как видим, оба западных лидера, хотя и в разной связи, подчеркнули высокую ответственность своих стран и всей «большой тройки» за подлинную реализацию ялтинских решений. По сути, это было косвенным напоминанием Кремлю о важности согласованных действий в этом направлении.

Конгресс и большая часть публики благоприятно встретили послание, но оно неизбежно усилило дискуссии по ряду проблем, особенно закрытых: характер оккупации и масштабы репрессий в Германии, реальные уступки И. Сталину в Восточной Европе, пределы геополитического продвижения Москвы на Дальнем Востоке в обмен на вероятное вступление СССР в войну против Японии и другие. Едва ли такая ситуация пришла по душе И. Сталину, тем более что к этому времени в отношениях Кремля и Белого дома возникли первые после Ялты осложнения.

13 февраля И. Сталин направил через находившегося в Москве госсекретаря Э. Стеттиниуса просьбу к Ф. Рузвельту передать Советскому Союзу до вступлению в войну с Японией десять-двенадцать эсминцев и два-три крейсера и такое же число кораблей обоих классов после войны¹³. Вероятно, советский вождь после Ялты решил, что президент стал еще более лоялен к Москве и можно сделать столь серьезный запрос к Белому дому.

Первая реакция как будто подтверждала расчет И. Сталина. Э. Стеттиниус обещал содействовать этой просьбе. Однако военные советники президента отнеслись к ней иначе. Дело было не только в самом факте передачи в собственность СССР целой эскадры, заметно превышавшей мощь советского тихоокеанского флота. Передача означала бы нарушение планов американских морских операций против Японии. Адмирал Э. Кинг сообщил Ф. Рузвельту, что «срочные нужды американского флота явно превышают аналогичные нужды советского флота», который не вел боевых действий на Тихом океане¹⁴. 20 февраля посол США в Москве А. Гарриман сообщил В. Молотову, что американское военно-морское руководство, исходя из невозможности передачи СССР такого и даже меньшего числа кораблей, готово обсудить вопрос о совместных действиях с советским флотом в Японском море. В. Молотов, высоко оценив эту идею (что само по себе было удивительно), все же повторил прежнюю просьбу, дав тем самым понять, что Кремль ждет ответа от самого президента¹⁵.

Другим крупным запросом И. Сталина к Ф. Рузвельту в середине февраля было предложение о подготовке очередного (пятого) протокола американских поставок СССР по ленд-лизу на сумму в шесть-семь миллиардов долларов. Если помнить, что в январе 1945 г. Москва уже поставила перед Белым домом вопрос о предоставлении ей послевоенного займа в шесть миллиардов долларов на тридцать лет под 2,25 % годовых, то придется сделать вывод: И. Stalin перешел грань разумного. Помимо определенной эйфории от ялтинского успеха на его поведение повлияли два конкретных обстоятельства: информация из закрытых источников о взглядах Белого дома на длительность войны с Японией (что заметно повышало значение вступления СССР в нее) и подписание

соглашения между Вашингтоном и Временным правительством Франции об американских поставках по ленд-лизу в 1945—1946 гг. товаров на сумму в 2,6 миллиарда долларов¹⁶. Любопытно, что и в финансовом подходе Кремля повторилась сходная история: вначале благоприятный отклик главы американского казначейства Г. Моргентау (он даже предложил увеличить сумму займа до десяти миллиардов на тридцать пять лет под 2 % годовых), а затем дело было спущено на тормозах.

В свою очередь Белый дом в конце февраля — начале марта стал настойчиво требовать от И. Сталина выполнения конкретных ялтинских обязательств. В частности, многие американцы открыто возмущались решением Кремля не допускать американских офицеров — членов репатриационных команд к своим военнопленным в лагерях Восточной Пруссии и Западной Польши. Очевидно, И. Stalin не хотел, чтобы эти офицеры передали на Запад информацию о реальном положении дел на этих территориях¹⁷.

4 марта к этому делу подключился сам президент. Он указал И. Сталину (хотя и довольно деликатно) на это нарушение и, кроме того, просил «разрешить десяти американским самолетам совершить несколько рейсов из Полтавы к местам пребывания американских пленных и летчиков, совершивших вынужденную посадку в тылу советских войск» для переброски им медикаментов, продовольствия, одежды. И хотя президент придавал просьбе «величайшее значение» в надежде смягчить хозяина Кремля, тот игнорировал ее. Только после настойчивых демаршей А. Гарримана и главы военной миссии США в Москве генерала Р. Дина, в ходе которых они выслушивали «ложные утверждения Молотова, что именно варшавские власти, а не советские военные мешают прибытию американских офицеров», удалось добиться приезда в эти лагеря одного офицера и одного врача. Самого Р. Дина в Польшу так и не пустили¹⁸.

Позиция Кремля в деле с допуском американцев к своим пленным оказалась тесно связанной с разногласиями в польском вопросе. Другим обстоятельством стал срыв замысла советского вождя получить от Вашингтона указанную эскадру кораблей. 13 марта А. Гарриман передал окончательный отказ Ф. Рузвельта о флоте,

в свою очередь советский нарком подтвердил точку зрения Кремля о допуске в Польшу американских офицеров. Новая просьба президента в этом деле («не могу понять Вашего нежелания разрешить американским офицерам помочь своим соотечественникам») была отклонена И. Сталиным с прозрачным намеком: нам не нужны лишние хлопоты по наблюдению за «лишними офицерами». Очевидно, понимая просьбы Белого дома как намек на плохие условия в лагерях американских пленных, И. Stalin заявил, что «бывшие американские военнопленные в советских лагерях находятся... в лучших условиях, чем бывшие советские военнопленные в американских лагерях». Вероятно, прав был А. Гарриман в своей телеграмме Ф. Рузельту, указывая, что Кремль пытается использовать проблему американских пленных «как средство давления на Белый дом для поднятия престижа варшавского правительства»¹⁹.

К середине марта польская и румынская проблемы стали главными «нарушителями» ялтинского согласия. Притом, претензии обеих сторон (Белый дом и Уайтхолл выступали практическисолидарно) были взаимными, хотя и неравнозначными. И. Stalin четко уловил неблагоприятную смену настроений в политических верхах Вашингтона и не стал терять времени. В конце февраля в Румынии не без содействия советских оккупационных властей развернулся острый политический кризис, в основе которого была согласованная акция Кремля и блока левых сил во главе с компартией с целью изменить положение в свою пользу. При этом правительство Н. Радеску использовало оружие для разгона массовой демонстрации. Stalinский посланец А. Вышинский отверг (в нарушение ялтинских соглашений) требование союзников о проведении тройственных консультаций и принудил короля Михая отправить «палача Радеску» в отставку и 7 марта призвать к власти правительство Петру Гроза. «Крайним аргументом» в этой кремлевской операции был ввод в Бухарест в критический момент дополнительных трех советских дивизий²⁰.

Затем последовал еще более откровенный акт. 10 марта И. Stalin в личном послании Петру Гроза заявил, что «советское правительство решило удовлетворить просьбу Румынии о возвращении

ей Трансильвании»²¹. Это было двойным нарушением Декларации об освобожденной Европе. Такое обещание следовало дать (если вообще нужно было делать) только от имени «большой тройки» и — это особенно важно — в форме поддержки такой просьбы Румынии на мирной конференции. По существу, действия Кремля в Румынии 24 февраля — 10 марта и далее были явной демонстрацией действий Москвы с позиции силы в нарушении духа и буквы ялтинских соглашений.

Впрочем, расчет И. Сталина оправдался. Вашингтон и Лондон были скованы «бернским инцидентом», а У. Черчилль связал себя «процентным соглашением» с советским вождем, которое он активно использовал в греческом конфликте. Премьер, поначалу предложивший направить «дяде Джо» совместное с Ф. Рузельтом послание с открытым протестом, согласился на гораздо более мягкий вариант: непризнание правительства П. Гроза и защиту прав США и Британии в Румынии через своих послов в Москве. И. Сталина это вполне устроило. Румынский раунд борьбы вокруг крымских решений оказался за ним²².

К тому времени уже шла напряженная полемика в пространстве польской проблемы. Поначалу в Кремле не без оснований рассчитывали на умеренную реакцию Ф. Рузельта и У. Черчилля на демократизацию варшавского правительства по советскому образцу. Беседы в польской комиссии (В. Молотов, А. Гарриман, А. Кларк Керр) 23 февраля внешне закончились конструктивно, в значительной мере потому, что В. Молотов не спешил раскрывать свои карты²³. Однако события конца февраля — начала марта изменили настроения западных лидеров, во многом из-за критического отношения англосаксонской публики к ялтинским решениям. Даже Дж. Б. Шоу («старый боевой конь социализма») не удержался от язвительной шутки: «Конференция в Ялте — совершенно невероятная, волшебная история... Объявит ли Сталин войну Японии в обмен на капитуляцию двух других участников в отношении Люблина? Я очень хотел был узнать, что действительно произошло в Ялте»²⁴.

Под давлением протестных голосов из политических кругов и особенно публики Э. Стеттиниус сообщил о формуле голосова-

ния в Совете Безопасности, согласованной в Ялте: любая из пяти великих держав — постоянных членов Совета Безопасности — могла заблокировать решение любого вопроса. Одновременно публика неофициально узнала, что Москва получает три места в Ассамблее (вместе с Украиной и Белоруссией). Чтобы сбить волну возмущения и разговоры о «сделке, в которой Рузвельт и Черчилль стали жертвами обмана», президент конфиденциально сообщил доверенным масс-медиа, что в обмен на указанную уступку И. Сталин поддержит возможное требование Белого дома о трех голосах для США²⁵. Впрочем, этот ход скорее подлил масла в огонь полемики вокруг этого вопроса.

Эту протестную шумиху И. Сталин, вероятно, воспринимал как игру западных партнеров, недовольных своими уступками в Ялте. Его ответом было ужесточение, точнее обнажение, своей позиции в польском вопросе. В. Молотов отбросил «мягкий стиль» и потребовал от своих коллег в комиссии принять два кремлевских условия, скрытых в компромиссной формуле Ялты: демократизация в формировании правительства национального единства Польши означает подавляющее преобладание варшавских поляков над всеми остальными; имена поляков, приглашаемых с западной стороны для консультации в Москву, должны согласовываться с «варшавянами», то есть, по существу, с Кремлем. Из восьми человек этого списка последние приняли только двоих: С. Кутшебу, историка, бывшего президента Польской академии наук, и С. Грабского, председателя Рады Народовой в Лондоне. Отвергнут был и С. Миколайчик, самая надежная кандидатура Вашингтона и Лондона²⁶. Иначе говоря, И. Сталин сделал вид, что в Ялте была принята его первоначальная формула, то есть прибег к дипломатическому обману.

Тревожные сообщения послов из Москвы заставили У. Черчилля первым забить тревогу. 8 марта он написал президенту, что В. Молотов «явно желает превратить в фарс консультации с нелюблинскими поляками...» Премьер предложил направить И. Сталину согласованные послания с изложением вполне разумного толкования ялтинских решений: никакого абсолютного вето варшавян на именной состав предварительных консультаций; равные благо-

приятные условия работы всех приглашенных в Москву; конечная цель консультаций — согласие по составу правительства, представляющего интересы различных групп польского общества; «комиссия трех» должна руководить консультациями в качестве беспристрастного арбитра. У. Черчилль сопроводил эти предложения многозначительными словами: «Если мы не выправим положение сейчас, мир в скором времени убедится, что Вы и я, поставив свои подписи под крымскими соглашениями, санкционировали мошенническую сделку»²⁷.

Формально Ф. Рузельт поддержал своего союзника («мы должны твердо стоять на своем требовании о правильном истолковании решений в Крыму»), но настаивал на продолжении переговоров послов («воздержаться от нашего личного вмешательства, пока не будут исчерпаны все другие возможности»). Президент предложил новые тактические ходы в полемике с Москвой в этом вопросе: требование «всеобщего перемирия в Польше», то есть взаимного прекращения вооруженных мер варшавской власти и оппозиции, и согласие западных столиц с необходимостью в стране земельной реформы. «Если же усилия послов потерпят неудачу, мы сможем обратиться к маршалу Сталину с просьбой облегчить положение угнетаемых жителей Польши»²⁸.

Анализ переписки Ф. Рузельта и У. Черчилля по польскому вопросу позволяет сделать определенные выводы. Премьер понял иллюзорность надежды на разумный вариант реализации ялтинских договоренностей («мы столкнулись с серьезным провалом и даже полным крахом того урегулирования, которое было достигнуто в Ялте»). Ф. Рузельт же полагал, что польский вопрос при всей его важности является второстепенным в сравнении с урегулированием в Европе, особенно в Германии, созданием ООН и завершением войны с Японией. Отсюда явственно звучащая нота примирения с возможной неудачей Запада в польском вопросе («я не могу согласиться с тем, что мы стоим и будем стоять перед крахом ялтинского соглашения»)²⁹.

Большая степень беспокойства и, скажем, прозрения У. Черчилля в этом вопросе объясняется прежде всего гораздо большей связью Британии с борьбой поляков в годы войны, причем симпа-

тии англичан явно склонялись к сопротивлению образца 1939—1944 гг., а не образца 1944—1945 гг., особенно после Варшавского восстания. Но более важным было то, что с сохранением возможности выбора у поляков демократической ориентации были связанны расчеты У. Черчилля на возвращение Лондона в Восточную Европу. Отсюда и подчеркивание опасности вероятного поражения Запада в польском вопросе.

Очевидно, И. Сталин уловил эти разногласия, общую тональность поведения западных лидеров (как сказал У. Черчилль, он «поймет, что мы смиримся с чем угодно») и не стал терять время на переговоры в «комиссии трех». 9 марта И. Сталин заявил своим партнерам, что если к открытию конференции в Сан-Франциско «не будет проведена реорганизация временного польского правительства», туда следует пригласить представителей нынешнего варшавского правительства «как осуществляющего власть на всей территории Польши»³⁰. Советский вождь понимал, что Ф. Рузельт и У. Черчилль отклонят этот пробный шаг, но он был нужен ему как еще один знак твердости своей позиции в польском вопросе. Любопытно, что эта заявка варшавян немедленно вызвала отклик у их противников. 11 марта эмигрантское правительство в Лондоне направило США, Британии и Китаю резкий протест против неприглашения его на конференцию в Сан-Франциско. Оно квалифицировало это как «первый пример применения права вето великих держав еще до создания всемирной организации безопасности»³¹.

Естественно, что И. Сталин и В. Молотов не только не обратили внимание на это «тяканье из Лондона», но и решительно отвергли новый демарш западных лидеров, в котором содержались упомянутые предложения У. Черчилля. Кремлевских руководителей не смущило напоминание о том, что в Ялте советская формула («расширения варшавского правительства») была отклонена и принята формулировка — «реорганизация его на широкой демократической основе»³². Не для того Кремль, говоря figurально, «городил огород» с весны 1940 г. («катынская гекатомба», разрыв с В. Сикорским, создание Люблинского комитета, отказ поддержать Варшавское восстание, наконец, официальное признание люблинцев

в качестве временного правительства), чтобы уступкой партнерам поставить под угрозу свой стратегический замысел.

Кроме этой принципиальной, так сказать, позиции у И. Сталина был и прагматический резон. Даже если допустить, что «люблинцы» и «лондонцы» (в том числе из самой Польши) начнут консультации, каждая из сторон не согласится признать преобладание другой в правительстве национального единства. В лучшем случае вышел бы вариант 50 : 50. А значит, консультации заранее обречены на провал. Так что жесткая позиция И. Сталина в этом случае оказалась резонной. По крайней мере, она не оставляла иллюзий у западной стороны.

К середине марта польский вопрос еще теснее вплелся в сложный клубок противоречий между Западом и Москвой. Внешним его проявлением стал «бернский инцидент» (операция «Крос-свورد»). Фактическая сторона его достаточно известна. Командование немецких войск СС в Северной Италии предложило через разведслужбу США в Берне переговоры об условиях капитуляции немецких войск в Северной Италии. Белый дом и Уайтхолл одобрили предложение фельдмаршала Г. Александера о продолжении переговоров. 12 марта Вашингтон сообщил в Москву о пробном шаге К. Вольфа³³.

Запоздание с этой информацией в Москву сыграло свою негативную роль. Советская сторона из собственных источников гораздо раньше получила сведения о зондаже К. Вольфа под определенным углом зрения. В. Молотов немедленно сообщил, что Москва не против переговоров, но «считает желательным участие в них советских офицеров». Западная сторона (ее представлял Вашингтон) посчитала эту просьбу неоправданной, так как «немцы предлагают только военную сдачу в плен на данном театре военных действий, а не общенациональную капитуляцию». А. Гарриман, который был главным экспертом Ф. Рузельта в отношениях с И. Сталиным и в целом успешноправлялся с этим нелегким делом, полагал, что «для русских принятие их требований станет новым признаком слабости (Запада. — А. Ч.) и подтолкнет их на еще более неприемлемые условия». Генерал Р. Дин, поддержав посла, в телеграмме Дж. Маршаллу заявил, что «русский запрос

имеет не больше оснований, чем если бы США настаивали на участии в возможных переговорах (советского командования. — А. Ч.) о капитуляции 28—30 немецких дивизий, отрезанных в Латвии»³⁴.

15 марта Белый дом ответил, что советские офицеры будут приняты в ставке союзного командования в Италии (но не в Берне, где начались контакты), а значит, смогут участвовать в переговорах с немцами. Но фельдмаршал Г. Александер «будет один нести ответственность за их ведение и принятие решений». Через несколько часов последовал ответ Кремля: «...отказ в участии советских представителей в переговорах в Берне явился совершенно неожиданным и непонятным с точки зрения союзных отношений между нашими странами». Никакого согласия на переговоры в Берне не даем. Настаиваем на исключении впредь «любых сепаратных переговоров одной или двух союзных держав с немецкими представителями без участия третьей союзной державы»³⁵.

По одной тональности послания видно, в каком состоянии был И. Сталин. Еще бы! «Союзнички» (его любимое слово в узком кругу в адрес Белого дома и Уайтхолла) втирают ему очки: приглашают советских офицеров в штаб Г. Александера для отвода глаз, а сами в Берне сговариваются с немцами о сепаратной капитуляции. Примерно так и поняли мотивы поведения советского вождя У. Черчилль и А. Гарриман — наиболее проницательные участники событий. Более того, премьер в письме А. Идену 23 марта допустил, что «русские, быть может, законно опасаются, что мы можем пойти на сделку на Западе, чтобы задержать их как можно дальше на Востоке»³⁶.

Правда, У. Черчилль вполне резонно разделяет два вида капитуляции, как это делали и в Белом доме: политическую («сделка с немцами на Западе»), на которую Лондон и Вашингтон не могли и не собирались идти, и военную («безоговорочная сдача в плен на конкретном театре военных действий»), которую командующие обязаны принять, консультируясь только со своим правительством. В частности, главнокомандующий на Западном фронте генерал Д. Эйзенхаэр заявил У. Черчиллю, что он постарался бы продвинуться как можно дальше на восток. «И я не видел причин для огорчения, — пишет далее премьер, — в случае, если в результате

те массовой капитуляции на Западе мы дойдем до Эльбы или дальше до того, как туда придет Сталин»³⁷.

Именно это не устраивало советского вождя. При его сильнейшей подозрительности в отношении подлинных замыслов Запада любая информация о контактах его агентов с немцами воспринималась как намерение Ф. Рузвельта и У. Черчилля достичь соглашения с противником за счет Кремля. Но пока «обмен любезностями» шел на уровне вторых лиц. 22 марта В. Молотов снова заявил А. Гарриману и А. Кларк Керру, что Москва «считает совершенно недопустимым» факт ведения переговоров в Берне «за спиной Советского Союза, несущего основную тяжесть войны против Германии», и настаивает на своем предыдущем требовании: никаких сепаратных переговоров³⁸.

Этим резким демаршем (в Лондоне им буквально возмутились) дело не ограничилось. 23 марта Кремль известил своих партнеров, что В. Молотов в связи с важными делами, требующими его присутствия в Москве, не примет участия в конференции по созданию ООН. Это был тяжелейший удар по ялтинским иллюзиям Ф. Рузвельта и У. Черчилля. В тот же день В. Молотов заявил протест против толкования Вашингтоном секретного соглашения о допуске Украины и Белоруссии к первоначальному членству в ООН. По мнению Кремля, их делегации могли участвовать в работе конференции с самого ее начала, тогда как Белый дом считал это возможным только после принятия Ассамблеей официального решения об их приеме, как и было утверждено в протоколе Крымской конференции³⁹.

Только теперь в Вашингтоне и Лондоне поняли, насколько разошлись взгляды И. Сталина и западных лидеров в понимании смысла и последствий ялтинских решений. 23 марта (поистине черный день в отношениях «большой тройки») А. Иден записал в дневнике: «Я всюду вижу мрачные свидетельства поведения России... Мы еще не знаем реакции русских на последнее наше предложение о Польше, но если она по-прежнему негативна, разрыв становится неизбежным. Кроме того, нужно учитывать отказ Молотова ехать в Сан-Франциско и отношения России с Турцией. Все вместе это означает крушение нашей внешней политики и то, что нам придется полностью менять курс»⁴⁰.

Делая эту запись, А. Иден еще не знал о посланиях в Белый дом о «бернском инциденте»: Лондон до конца марта не был посвящен в эту переписку. Но и без того настроение Уайтхолла было весьма пессимистичным, и шеф Форин офиса даже задался вопросом, не придется ли «заставить Сталина сделать выбор между изменением своей политики и разрывом отношений с Великобританией и США»⁴¹. Если сравнить послания Кремля в Вашингтон в конце марта и размышления британского министра, выявляется очевидная параллель и даже сходство, правда, в противоположностях, позиций И. Сталина и А. Идена. По существу, советский вождь не только допускает возможность выбора у Запада между принятием кремлевской трактовки ялтинских соглашений и разрывом с Москвой, но фактически, хотя и завуалировано ставит этот выбор перед Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем.

К счастью, хозяин Белого дома при всей обеспокоенности московским демаршем не подошел к постановке вопроса А. Иденом. Более того, он не принял резкий тон сталинского послания, хотя имел все основания ответить ему тем же. В своих посланиях 24 марта И. Сталину президент выразил «глубокое разочарование» неприездом В. Молотова в Сан-Франциско и заявил, что это «будет истолковано во всем мире как признак отсутствия должного интереса со стороны советского правительства к великим задачам конференции». По поводу «бернского инцидента» президент повторил упомянутые детали и подчеркнул, что речь идет о чисто военной капитуляции противника в определенном районе, которая может позволить избежать лишних потерь в американской армии и вместе с тем «не нарушит нашего согласованного принципа безоговорочной капитуляции и не содержит никаких политических мотивов». Для большей убедительности Ф. Рузвельт привел гипотетический случай, как «если бы к Вашему генералу под Кенигсбергом или Данцигом противник обратился с белым флагом»⁴².

Однако советский вождь в своем ответе 29 марта ясно дал понять, что его не надо учить азам военно-политической стратегии, которую Запад приспособливает к своим интересам. В понимании Кремля любая военная капитуляция на западе является политической, и потому он решительно настаивает на участии советских

представителей в переговорах в Берне, а не в формальном их присутствии в штабе Г. Александера при подписании акта капитуляции. Уже в этом послании И. Сталин по существу обвинил президента в том, что Белый дом и союзное командование ведут линию на достижение сделки с немцами за счет советской стороны и что именно с этим связано отсутствие наступательных операций союзных войск в Северной Италии⁴³.

Наконец-то пришла очередь оскорбиться и Ф. Рузвельту, но в отличие от советского вождя, возмущение которого было вполне предсказуемым как результат ожидаемой им «двойной игры» Запада, для президента подозрения И. Сталина оказались источником сильного политico-психологического потрясения. И все же президент не потерял надежду сохранить нормальное взаимопонимание с советским вождем. В своем послании 1 апреля он попытался убедить И. Сталина, а вероятно и самого себя в том, что причины конфликта Кремля и Белого дома кроются в недооценке советским руководством коварства врага, который этой операцией стремился «посеять подозрения и недоверие между союзниками». Давайте не позволим А. Гитлеру добиться этого — таков был завершающий призыв послания⁴⁴. Этой примирительной тональностью президент молчаливо признал и вину западной стороны за этот конфликт, что должно было смягчить недовольство хозяина Кремля и завершить полемику вокруг «Кроссворда».

К этому моменту последний оказался тесно связанным с полемикой вокруг польской проблемы. Активную роль в этом сыграл У. Черчилль. При всем понимании враждебности И. Сталина к Западу он не принял указанную альтернативу А. Идена. 27 марта премьер направил Ф. Рузвельту важное послание. Перечислив уже известные им нарушения Кремлем крымских соглашений, грубое отношение к бывшим союзным военнопленным, оскорбительную реакцию на «Кроссворд», он далее писал: «Мы должны обратиться в самой решительной форме к Сталину по поводу Польши, а в случае необходимости и по другим вопросам, нарушающим единство, установившееся в Крыму»⁴⁵.

При всем разочаровании в правильности уступок Лондона и Вашингтона в Ялте У. Черчилль надеялся на здравый подход

И. Сталина к созданию национального правительства Польши. Ему хотелось верить, что «работа комиссии по Польше затормозилась из-за недоразумений, возникших при истолковании решений в Ялте». В новом послании Ф. Рузвельту 27 марта он утверждал: И. Сталин поймет, что «наши предложения соответствуют духу ялтинских решений, и они должны быть приняты им». И тогда создание представительного правительства в Польше, которое признают Британия и США, «может быть осуществлено без дальнейших задержек». Знай У. Черчилль, что в те самые дни советские спецслужбы с помощью обмана арестовали шестнадцать военных и гражданских руководителей польского Сопротивления, он не стал бы питать эти иллюзии⁴⁶.

Белый дом после обмена мнениями с Лондоном согласился занять в польском вопросе «более твердую позицию», и 1 апреля Ф. Рузвельт направил второе послание И. Сталину. Он подчеркнул необходимость двух важных условий создания правительства национального единства: «максимально возможное политическое спокойствие в стране, в частности, прекращение враждующими группировками всяких действий друг против друга», разрешение западным членам «комиссии трех» посещать Польшу⁴⁷. В первоапрельских посланиях президента звучит твердая тональность правоты Вашингтона во всех трех вопросах, стоявших в центре острой полемики Москвы и Запада. Ф. Рузвельт решительно отверг упреки «в ведении сепаратных переговоров» и заявил, что отсутствие наступательных операций союзников в Северной Италии связано не с «надеждами на соглашение с немцами», как утверждал И. Stalin, а с переброской во Францию и Бельгию нескольких британских дивизий, после чего у Г. Александера осталось семнадцать дивизий против двадцати четырех немецких⁴⁸.

В надежде убедить Кремль президент подчеркнул, что выражает мнение американского народа, и пренебрежение к его позиции по сути означает, что «все трудности и опасности, которые угрожают единству союзников, ...предстанут перед нами в еще более острой форме»⁴⁹. Вероятно, Ф. Рузвельт до конца так и не понял, насколько И. Stalin пренебрежительно относился к ссылкам западных лидеров на общественное мнение. Зато У. Черчилль, позднее

подключившись к этой полемике, вполне осознал эту установку Кремля, но с тем больше горячностью стал на защиту позиции Белого дома: «Как и президент, я был поражен заключительной фразой Вашего послания к нему. То, что он говорит в отношении американского народа, относится к британскому народу и к народам Британского Содружества Наций...» И все же премьер закончил послание на спокойной и даже дружественной ноте. Напомнив о своем заявлении 22 июня 1941 г. по поводу нападения Германии на СССР, о своей роли в принятии британским парламентом и Белым домом «линии Керзона» в качестве западной границы СССР, он заявил: «Как искренний друг России я лично обращаюсь к Вам и Вашим коллегам с призывом достичь прочного соглашения с западными демократиями... и не отталкивать протянутую нами сейчас руку дружбы в деле будущего руководства миром»⁵⁰.

Но с пафосом дружбы премьер явно перегнул. Можно представить, с какой иронией и сарказмом И. Сталин воспринял «руку дружбы», которую он отнес к обоим лидерам. 3 апреля в послании Ф. Рузвельту последовала самая жесткая нота советского вождя о «бернском инциденте»: «Переговоры были, и они закончились соглашением с немцами, в силу которого маршал Кессельринг согласился открыть фронт и пропустить на восток англо-американские войска, а англо-американцы обещали за это облегчить для немцев условия перемирия». Понимая, что это слишком крутое обвинение, И. Сталин частично смягчает вину Ф. Рузвельта («виновато командование и еще кое-кто»), но заключительный аккорд послания остался прежним: немцы прекратили на западном фронте войну против Англии и Америки, но ведут ее с Россией⁵¹. По сути и здесь еще жестче, чем 29 марта И. Сталин ставит перед Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем дилемму: либо вы с Москвой, либо вы с Берлином. Попутно досталось и «другу Черчиллю» за то, что англичане, якобы начавшие «инцидент», отмалчиваются, сваливая все грехи на Белый дом.

Итак, И. Сталин обвинил Вашингтон и Лондон не больше, но и не меньше как в предательстве, лжи или — самый мягкий вариант — в том, что Ф. Рузвельт стал жертвой обмана своих советников. Казалось, для Запада наступил момент истины, то есть самое

время дать достойный ответ на эти несправедливые обвинения и сказать, что И. Сталин использует «инцидент» как средство давления англо-американского протеста против нарушения Кремлем ялтинских соглашений. Иначе говоря, открыто поставить перед Москвой выбор, о котором размышлял А. Иден 23 марта и который предлагала Ф. Рузвельту группа У. Буллита еще с начала 1943 г. Даже верный паладин президента А. Гарриман в середине марта призывал шефа изменить линию поведения в отношении И. Сталина и вместо «дать все возможное, ничего не требуя взамен» избрать мягкий вариант «нечто за что-то»⁵².

Ответ Ф. Рузвельта 5 апреля весьма интересен во многих отношениях, в том числе и в психологическом. Он не поднимает свое недовольство (о «возмущении» речь не идет) на более высокий уровень («я с удивлением получил Ваше послание от 3 апреля»), но говорит о смысле сталинского подозрения: «...должно ли по-прежнему предполагать, что Вы питаете столь же высокое доверие к моей честности и надежности, какое я всегда питал к Вашей». Иначе говоря, президент спрашивает, хотя и в утвердительной форме, считает ли советский вождь своего партнера обманщиком и лжецом⁵³.

Ф. Рузвельт подтвердил свое прежнее мнение («в Берне не происходило никаких переговоров») и упрекнул И. Сталина в том, что Кремль в своем недоверии к Западу попался на германскую удочку: «...имеющиеся у Вас сведения, должно быть, исходят из германских источников, которые упорно старались вызвать разлад между нами... Ваше послание доказывает, что он (К. Вольф. — А. Ч.) добился некоторого успеха». Наконец, защитив действия своих командующих («я полностью доверяю генералу Эйзенхаузеру»), президент излил «крайнее негодование» на кремлевских информаторов «в связи с таким гнусным описанием моих действий или действий моих доверенных подчиненных». Таким образом, Ф. Рузвельт, не отступая от своей принципиальной позиции, дает И. Сталину шанс сохранить его лицо и отойти от того края пропасти, куда завело Кремль его фатальное недоверие. К тому же президент подтвердил свою высокую оценку «той роли, которую сыграла Ваша армия, позволив войскам генерала Эйзенхаузера форсировать Рейн»⁵⁴.

Послание У. Черчилля в Кремль в тот же день выдержано в более резком тоне. Он называет подозрения И. Сталина в отношении намерений западных лидеров «позорными». Именно игнорирование этого «крайне оскорбительного и необоснованного обвинения» было причиной молчания англичан. Премьер подтвердил мнение президента, что «полное поражение германских войск на западном фронте» никак не связано с «контактом в Берне или где-либо еще». Оно объясняется перевесом союзников в сухопутных силах и «значительным превосходством в воздухе». У. Черчилль также отметил большое значение «великолепных ударов и мощь советских армий в боевых успехах союзников на Западе»⁵⁵.

Как и следовало ожидать, И. Stalin принял протянутую руку президента: «Я никогда не сомневался в Вашей честности и надежности, также как и честности и надежности г-на Черчилля». Вероятно, эти слова нелегко дались вождю, в памяти которого отнюдь не стерлись те жесткие упреки, которые он бросал своим партнерам в 1942 и 1943 гг. в связи с нарушениями их обещаний. Это и был отход от «края пропасти». Однако, исполнив эту необходимость, И. Stalin в дальнейшей части своего послания 7 апреля по сути возвратился к тезису о «сделке» союзников с немцами. Последние «продолжают с осторожностью драться с русскими за малоизвестную станцию Земляницу в Чехословакии, ...но безо всякого сопротивления сдают такие важные города в центре Германии, как Оsnабрюк, Мангейм, Кассель. Такое поведение немцев является более чем странным и непонятным»⁵⁶. Для пущей важности И. Stalin перенес названные города в центр Германии.

Оправдывая свою точку зрения о необходимости «при любой встрече союзника с немцами по вопросам капитуляции присутствия других союзников», И. Stalin по сути повторил свое глубокое недоверие Вашингтону и Лондону. Наконец, он твердо защитил своих информаторов («это очень честные и скромные люди, которые выполняют свои обязанности аккуратно и не имеют намерения оскорбить кого-либо») и тем самым еще раз утвердил свою оценку «берлинского инцидента» как «сговора с немцем за счет России», который не удался благодаря твердой и решительной позиции Москвы⁵⁷.

Ответные послания У. Черчилля и Ф. Рузвельта (последнее, как утверждают некоторые исследователи, было подготовлено ближним окружением больного президента, но отражает логику его мышления), врученные в Кремле 13—14 апреля, позволяют сделать вывод, что Белый дом и Уайтхолл приняли послание И. Сталина от 7 апреля как извинение в предельно допустимой для Кремля форме. Но Ф. Рузвельт пошел дальше. Он отверг совет А. Гарримана убрать слово «незначительный» в оценке «бернского инцидента» и назвал его в ряду «незначительных недоразумений, которые не должны возникать в будущем»⁵⁸. Следовательно, в рамках указанной дилеммы (Буллита — Идена) Ф. Рузвельт в канун своей смерти подтвердил прежнюю линию в отношении Кремля: максимально идти ему навстречу с минимальными собственными условиями. Если перевести обмен между Ф. Рузвельтом и А. Гарриманом в конце марта — начале апреля 1945 г. на язык разговора президента в январе 1943 г. с У. Буллитом — послом в Москве в 1933—1936 гг., Ф. Рузвельт сказал А. Гарриману тоже самое: «Аверелл, я не оспариваю факты. Я не оспариваю логику твоих рассуждений, но ответственность за это несу я...»⁵⁹

Итак, отношения И. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля в течение двух месяцев после конференции в Крыму становились все более напряженными и к началу апреля 1945 г. превратились в серьезный политический кризис. Конкретным его проявлением стала резкая полемика по поводу «бернского инцидента», а своеобразным знаковым событием — смерть президента. Общая причина кризиса заключалась в принципиально разном понимании смысла ялтинских решений относительно Восточной Европы. Ф. Рузвельт и У. Черчилль полагали, что три державы должны поддержать все демократические, антифашистские силы в этих странах, содействовать их консолидации и обеспечить проведение свободных выборов. Все это было прямо зафиксировано в протоколах конференции. И поскольку Восточная Европа оказалась освобожденной советскими войсками, Кремль по определению становился гарантом их проведения. Вместе с тем, выполнение этого обязательства было условием согласия Вашингтона и Лондона на серьезные геополитические уступки Москве.

У И. Сталина был иной взгляд на крымские решения. Ему было явно недостаточно, что Запад фактически признал Польшу сферой геополитического влияния СССР. Он намеревался, скрывая это от Ф. Рузвельта и У. Черчилля, превратить все страны Восточной Европы не только в зону своего геополитического присутствия, но и в будущую сферу мирового социализма. События в Польше, Румынии и Югославии оказались вполне знаковыми. Когда Белый дом и Уайтхолл весьма дипломатично указывали Кремлю на явное расхождение его действий с ялтинскими решениями, И. Сталин и В. Молотов прибегали к последнему аргументу: Москва не вмешивалась в процесс формирования правительства Бельгии, Нидерландов и Греции, не мешайте нам делать это в странах Восточной Европы⁶⁰.

Следует иметь в виду важную причину сильного антизападного настроения И. Сталина: провал его замысла 1939—1941 гг. разыграть козырную карту решительной схватки внутри мира капитализма. И ему пришлось взять на себя основную тяжесть борьбы с общим врагом и таким образом попутно сделать в 1941—1945 гг. работу за Лондон и Вашингтон. Отсюда вытекала его твердая уверенность, что Москва имеет полное право получить львиную долю плодов победы в войне, особенно с учетом огромной разницы в потерях СССР и западных союзников. Фактический контроль над Восточной Европой плюс решающее влияние в побежденной Германии должны были стать минимальной частью этой доли.

Другая причина кризиса отношений «большой тройки» — глубокое недоверие И. Сталина к политico-стратегическому курсу Ф. Рузвельта и У. Черчилля, его уверенность, что они ведут или по крайней мере пытаются вести двойную игру в стремлении компенсировать понесенные в Ялте потери и оказаться в Германии и в центре Европы в более выгодном положении, чем И. Stalin. Именно так понимал советский вождь смысл «бернского инцидента» с их стороны. Следует добавить, что изучение операции «Кроссворд» после войны, равно как и публикации исследований деятельности советской разведки в годы войны, не подтверждают сталинской версии о «двойной игре» Вашингтона и Лондона, по крайней мере на заключительном этапе войны в Европе.

Можно с достаточным основанием утверждать, что оба эти фактора — ялтинский и бернский — стали колossalным политico-психологическим стрессом для президента и сыграли важную, а возможно и решающую роль в его внезапной кончине 12 апреля 1945 г. Глубокие разногласия в толковании крымских решений стали тяжелым ударом по самому важному и можно сказать дорогочному его проекту — созданию всемирной системы безопасности на основе компромисса между Западом и СССР. К тому же критическое отношение значительной, если не подавляющей, части американской публики к ялтинским соглашениям, особенно секретного характера, стало дополнительным фактором давления на здоровье президента. Оно заметно возросло, когда обнаружилось, что действия Кремля весной 1945 г. определяются не положениями Атлантической хартии и Декларации об освобожденной Европе, а концепцией баланса сил и раздела континента на сферы влияния.

Решение И. Сталина не посыпать В. Молотова на конференцию в Сан-Франциско заметно усилило критическое отношение американского общественного мнения к позиции Ф. Рузельта в отношении Кремля. Как свидетельствует переписка Ф. Рузельта и У. Черчилля в последние недели жизни президента, он задавал себе вопрос, не ошибся ли он в своей уверенности («интуиции») в том, что он взял правильный курс в отношении И. Сталина: ввести советского вождя в «семейный круг» западной демократии и тем способствовать эволюции советской диктатуры в некую разновидность либеральной или социальной демократии. Ответить на него он не успел⁶¹.

Смерть Ф. Рузельта положила конец «большой тройки» формата июля 1941 — апреля 1945 г. Но логика завершения гигантской схватки антигитлеровской коалиции с безумным фюрером определила неизбежность формирования «большой тройки» образца апреля — августа 1945 г. И несмотря на сохранение глубоких противоречий, разделявших Москву и западные столицы, новая «большая тройка» благодаря здравому поведению обеих сторон сумела преодолеть кризис февраля — апреля 1945 г., успешно закончить войну в Европе и предрешить безоговорочную капитуляцию Японии. Потсдамская конференция И. Сталина, Г. Трумэна и У. Черчилля (К. Эттли) подтвердила все основные положения

крымских решений. Думается, в этом и заключается ответ на вопрос, ошибался ли Ф. Рузвельт в своей политике сохранения и укрепления союза с И. Сталиным. Именно это было главным смыслом, целью его уступок советскому вождю, а не стремление обратить кремлевского диктатора в руководителя, который «будет сотрудничать (с Белым домом. — А. Ч.) во имя мира и демократии во всем мире»⁶².

¹ См.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 4. М., 1979. С. 45—281.

² Цит. по: Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. М., 1958. С. 587—588. См. также: Foreign Relations of the United States. Conferences at Cairo and Tehran, 1943. Washington, 1961. Р. 486—487; Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. М., 1991. С. 520—521; Фейс Г. Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились. М., 2003. С. 502.

³ См.: The Times. 1945. Vol. 46, nr. 7—12; The Economist. 1945. Vol. 148, nr. 5293—5297.

⁴ The Parliamentary Debates: Official Report. 5th Series. House of Commons. Vol. 408. L., 1945. С. 1487—1498; Harriman A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin 1941—1946. L., 1976. Р. 419.

⁵ Churchill W. S. His Complete Speeches, 1897—1963. Vol. 7. L., 1974. Р. 7117.

⁶ Диликс Д. Черчилль и операция «Немыслимое», 1945 // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 131.

⁷ См.: The Parliamentary Debates... С. 1420—1445; The Time. 1945. Vol. 46, nr. 11. Р. 36.

⁸ The Department of State Bulletin. Vol. 12, nr. 301. Washington, 1945. Р. 321.

⁹ См.: Ibid. Р. 321—322.

¹⁰ Ibid. Р. 322.

¹¹ Ibid. Р. 326.

¹² Ibid. Р. 325—326.

¹³ См.: Советско-американские отношения 1939—1945 гг. Документы / Под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 2004. С. 619.

¹⁴ См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Документы и материалы. Т. 2. М., 1984. С. 313—314.

¹⁵ См.: Там же. С. 314—315.

¹⁶ См.: Данн Д. Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве. М., 2004. С. 357; The Department of State Bulletin... Р. 363—368.

¹⁷ См.: Советско-американские отношения 1939—1945 гг. С. 630—631; Harriman A., Abel E. Op. cit. Р. 419—420.

¹⁸ См.: Советско-американские отношения 1939—1945 гг. С. 629—633; Harriman A., Abel E. Op. cit. Р. 419—421.

¹⁹ Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 2. М., 1957. С. 193—195. См. также: Советско-американские отношения 1939—1945 гг. С. 635; *Harriman A., Abel E.* Op. cit. P. 421—422.

²⁰ См.: Восточная Европа в документах советских архивов 1944—1953 гг. Т. 1. М.; Новосибирск, 1997. С. 162—167; Советско-американский отношения 1939—1945 гг. С. 623—627; *Harriman A., Abel E.* Op. cit. P. 424.

²¹ *The Time*. 1945. Vol. 46, nr. 12. P. 22.

²² См.: Секретная переписка Рузельта и Черчилля в период войны. М., 1995. С. 743—745, 752—753; *Черчиль У.* Указ. соч. С. 551—552.

²³ См.: Советско-американские отношения 1939—1945 гг. С. 620—622; *Черчиль У.* Указ. соч. С. 552.

²⁴ *The Time*. 1945. Vol. 46, nr. 10. P. 36.

²⁵ См.: *Шервуд Р.* Указ. соч. С. 595—597.

²⁶ См.: *Фейс Г.* Указ. соч. С. 513—514; *Harriman A., Abel E.* Op. cit. P. 426—427.

²⁷ Секретная переписка... С. 745—748.

²⁸ Там же. С. 753—754.

²⁹ Там же. С. 745—761.

³⁰ Советско-американские отношения 1941—1945 гг. С. 325—326.

³¹ Секретная переписка... С. 756. См. также: *Черчиль У.* Указ. соч. С. 556; *Foreign Relations of the United States*, 1945. Vol. 1. Washington, 1955. P. 114—115.

³² Советский Союз на международных конференциях... Т. 4. С. 269. См. также: Секретная переписка... С. 759—762; Советско-американские отношения 1939—1945 гг. С. 639—641; *Harriman A., Abel E.* Op. cit. P. 429.

³³ См.: Советско-американские отношения 1941—1945 гг. С. 328—329; *Черчиль У.* Указ. соч. С. 565; *Harriman A., Abel E.* Op. cit. P. 432.

³⁴ *Harriman A., Abel E.* Op. cit. P. 432—433.

³⁵ Советско-американские отношения 1941—1945 гг. С. 332—333; *Harriman A., Abel E.* Op. cit. P. 433—434.

³⁶ *Черчиль У.* Указ. соч. С. 565—566; *Harriman A., Abel E.* Op. cit. P. 433—434.

³⁷ *Черчиль У.* Указ. соч. С. 566—567.

³⁸ Советско-американские отношения 1941—1945 гг. С. 338—339.

³⁹ См.: Переписка председателя Совета министров... Т. 2. С. 195—196; Советский Союз на международных конференциях... Т. 4. С. 274; Т. 5. С. 83—85.

⁴⁰ *Eden A. The Reckoning*. L., 1965. P. 525.

⁴¹ Цит. по: *Дилкс Д.* Указ. соч. С. 132.

⁴² Переписка председателя Совета министров... Т. 2. С. 195—198.

⁴³ См.: Там же. С. 198—199.

⁴⁴ Советско-американские отношения 1941—1945 гг. С. 343—344.

⁴⁵ Секретная переписка... С. 771—773; *Черчиль У.* Указ. соч. С. 567.

⁴⁶ См.: Секретная переписка... С. 775—776; Из Варшавы. Товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье 1944—1945 гг. М.; Новосибирск, 2004. С. 129—141.

⁴⁷ Переписка председателя Совета министров... Т. 2. С. 200—202.

⁴⁸ См.: Переписка председателя Совета министра... Т. 2. С. 202—203; Эйзенхайзер Д. Крестовый поход в Европу. М., 1980. С. 439.

⁴⁹ Переписка председателя Совета министров... Т. 2. С. 202.

⁵⁰ Там же. Т. 1. С. 314—315.

⁵¹ См.: Там же. Т. 2. С. 204—205.

⁵² См.: Данн Д. Указ. соч. С. 17—19.

⁵³ Переписка председателя Совета министров... Т. 2. С. 205.

⁵⁴ Там же. С. 205—206.

⁵⁵ Там же. Т. 1. С. 315—317.

⁵⁶ Там же. Т. 2. С. 206—207.

⁵⁷ Там же. Т. 1. С. 321—322; Т. 2. С. 207—208.

⁵⁸ Переписка председателя Совета министров... Т. 2. С. 211—212. См. также: Переписка председателя Совета министров... Т. 1. С. 324; Harriman A., Abel E. Op. cit. P. 439—440; Черчилль У. Указ. соч. С. 573—574.

⁵⁹ Цит. по: Данн Д. Указ. соч. С. 18—19, 372; Harriman A., Abel E. Op. cit. P. 440.

⁶⁰ См.: Переписка председателя Совета министров... Т. 1. С. 335; Восточная Европа в документах российских архивов... С. 117—118.

⁶¹ Ревизионистское направление американской историографии дает однозначный ответ: это была ошибка огромного политico-стратегического масштаба и началась она не в Тегеране и Ялте, а летом 1941 г. См.: Данн Д. Указ. соч.; Kimball W. The Juggler. Franklin Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton, 1991; Perlmuter A. FDR and Stalin. A not so Grand Alliance 1943—1945. Columbia, Mi, 1993.

⁶² Данн Д. Указ. соч. С. 22.

А. Г. Нестеров

Великобритания и вопрос о границах Албании (1912—1944)

На рубеже XX—XXI вв. вопрос о границах Албании приобрел неожиданную актуальность. Провозглашение независимости области Косово 17 февраля 2008 г., ее признание со стороны ряда государств, в том числе Великобритании, вновь поставили вопрос об албанских границах в повестку дня. При этом необходимо отметить, что многие государства, в частности, Великобритания, не занимали последовательной позиции по отношению к вопросу о границах Албании, рассматривая эту проблему исключительно с точки зрения политической конъюнктуры.